

УДК 82.0

UDC 82.0

РЕМЕЙК КАК КАТЕГОРИЯ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩАЯ МЕЖТЕКСТОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

REMAKE AS A CATEGORY CHARACTERIZING THE INTERTEXTUAL RELATIONS

Т. О. Холодинская,
*аспирант кафедры русской
и зарубежной литературы БГПУ*

T. O. Holodinskaya,
*Post-Graduate Student of Russian
and Foreign Literature, BSPU*

Поступила в редакцию 26.02.16

Received on 26.02.16

В статье рассматриваются теоретические аспекты понятия «ремейк», основные проблемы, находящиеся в центре внимания писателей-ремейкеров. На основе ремейковых текстов XX века – «Ф. М.» Б. Акунина, «Девятый сон Веры Павловны» В. Пелевина, «Княгиня Верейская» Н. Силинской исследуются приемы модификации претекста при создании ремейков, определяются стратегии взаимодействия классики и современности и реализации установок постмодернизма.

Ключевые слова: ремейк, переработка, интертекстуальность, массовая литература, классика и современность, постмодернизм, Б. Акунин, В. Пелевин.

The article examines the theoretical aspects of the concept «remake», the main problems, that are in the focus of the writers-remakers. On the basis of the remakes of the texts of the XX century – «F. M.» Akunin, «The ninth dream of Vera Pavlovna» V. Pelevin, «Princess Vereiskaya» N. Silinskaya pretext modification techniques are being investigated when creating remakes, the strategies of the interaction of classics and modern facilities and the implementation of post-modernism are being determined.

Keywords: remake, recast, intertextuality, mass literature, classic and modernity, postmodernism, B. Akunin, V. Pelevin.

Ремейк – это переписывание известного текста, чаще всего – «перекодировка» [1, с. 125] классического произведения на язык современности. Если интертекстуальность предполагает переключку с множеством источников, то в литературном ремейке интенсивно подчеркивается «ориентация на один конкретный классический образец, в расчете на узнаваемость “исходного текста” (причем не отдельного элемента-аллюзии, а всего “корпуса” оригинала)» [2]. Таковы, например, роман «Ф. М.» Б. Акунина, являющийся ремейком на «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, или же роман «Княгиня Верейская» Н. Силинской – ремейк на повесть «Дубровский» А. С. Пушкина.

При этом, по замечанию петербургской исследовательницы М. Черняк, ремейк «повторяет основные сюжетные ходы претекста, практически не изменяя тип характера, а иногда и имена героев» [1, с. 125], но доминантным символом времени в ремейке выступает современность. В природе ремейка заложен своеобразный современный «перевод» классического текста и его упрощение, что приближает вторичный текст к массовой литературе.

Пародийность не является основополагающим элементом текстовой структуры ремейка. Исходя из типологии, предложенной Ю. Тыняновым [3], ремейк можно отнести к пародическим (но не пародийным) текстам, то есть к произведениям, которые используют претекст – классический образец – в качестве удобной формы для нового содержания, при этом не высмеивают текст-образец.

Ремейки являются своеобразной оптикой, отражая одновременно и классику, и современность. В произведениях с использованием образов и сюжета классики затрагиваются имеющие выход на вечность современные проблемы, в частности такие: концепция человека, целостность личности в переходную эпоху («Ф. М.» Б. Акунина), отношение к вере, Абсолюту («Кавказский пленный» В. Маканина), высокое искусство и установки массовой литературы («Новое под солнцем» В. Чайковской), судьба художника и смысл творчества в переломные времена («Андеграунд, или Герой нашего времени» В. Маканина). Решение этих проблем предопределяет перестройку образной системы текстов-образцов: вводятся новые герои, увеличивается значимость второсте-

пенных персонажей, некоторые изымаются, происходит контаминация образов.

Индивидуальные воплощения стратегии диалога классики с современностью разные. В. Пелевин в «Девятом сне Веры Павловны» сосредоточивает внимание лишь на одной проблеме, затронутой в романе Н. Чернышевского, существенно усиливая ее, – на проблеме социализации человека в обществе. Н. Силинская в «Княгине Верейской» хочет «дописать» отдельные фрагменты, расширив поле психологического анализа. Так, например, описано замужество Маши, ее петербургская светская жизнь, не приносящая никакой радости, неожиданная встреча с Дубровским в Карлсбаде, вспыхнувшая вновь страсть, опять расставание, рождение дочери Дубровского и Маши, смерть старого князя, тайное возвращение Дубровского в Петербург, недолгая любовная идиллия, арест Дубровского, снова расставание, каторга, побег в Америку, где герой наконец-то чувствует себя в безопасности. Финал романа явно противоречит пушкинскому взгляду на дальнейшую судьбу героев и больше напоминает «счастливый финал» современных произведений: Марья Кирилловна с дочерью Наташей отправляются на пароходе в Америку навстречу счастливому и свободному будущему. В. Маканин существенным образом дополняет психологические характеристики героев в «Кавказском пленном» и переписывает финал, усиливая его философское и религиозное звучания.

Ремейки конца XX – начала XXI в. отображают художественные установки постмодернизма. В частности актуализирован «шизофренический дискурс», в пределах которого сделан акцент на идее целостности личности, идее частного. Так в романе «Ф. М.» Б. Акунина перед читателем предстает целая галерея раскольниковых, любой ценой жаждущих хлеба, то есть наркотиков (Рулет), власти над умами (доктор Зиц-Коровин), имени в вечности (Сивуха-отец), реванша за физическое уродство и власти над людьми (Сивуха-младший), непотопляемый меркантилист Лужин (скупщик Лузгаев), бессмертная жадная старуха (экспертша Элеонора Ивановна Моргунова), торговка самым разнообразным товаром мадам Ресслих (питагентша Марфа Захер) и, конечно, вечная Сонечка – ангелоподобная, но грешная Саша Морозова. Из этих образов складывается общий портрет современного «маленького» человека.

Или же акцент делается на опасной раздвоенности (в ремейке Н. Силинской «Княгиня Верейская» Марье Кирилловне, как и классической героине А. С. Пушкина, приходится делать выбор между любовью и долгом). Ремейкам присуща также постмодернистская ирония, выступающая как средство деконструкции и которая, в отличие от иронии классической, направленной на отдельные явления действительности, охватывает все современные реалии общественной жизни.

В романе «Ф. М.» Б. Акунин рисует состояние современников конца XX в., которые переживают кризис идентичности, целостности. Ремейк содержит аллюзии на «Преступление и наказание» Ф. Достоевского, при этом углубляя экзистенциальные интенции текста. Это сходство может быть чисто внешним, обнаруживаясь на уровне персонажного дискурса (например, Родион Раскольников – Руслан Рудников, Соня Мармеладова – Саша Морозова, Порфирий Петрович, имя последнего присутствует в обоих романах) или сюжетных деталей (Рудников, как и Раскольников, снимает убогую комнатенку) и т. д., может проследиваться во внутреннем содержании: поиск истинного «Я» ведется чуть ли не всеми героями романа.

Двигателем действия в романе «Ф. М.» является интеллектуальная интрига, облаченная в форму экстравагантного детектива. Игровая форма, включение комических сцен служат специфическими средствами доказательства серьезных идей. Основной конфликт формируется между целостной личностью и неблагоприятным миром, который хочет эту личность раздробить и превратить в функцию. Соответственно конфликт в романе Б. Акунина стимулируется распадением, дроблением единой, хотя и противоречивой личности у Ф. Достоевского на однолинейных двойников. Так, например, у Б. Акунина в романе сосуществуют два явных протагониста-двойника классического Раскольникова. Первый – Рулет-Раскольников – вор, который грабит людей только для того, чтобы достать «бабла» на очередную дозу. Он не собирается деньги тратить ни на учебу, ни на помощь родным. Это своеобразный постмодернистский тип молодежного цинизма. Рулет руководствуется лишь собственным материальным мотивом, не задумываясь о «спасении человечества». Второй двойник героя Ф. Достоевского, созданный Б. Акуниным, Олег – совершает свои злодеяния «из любви к ближнему» (отцу), ориен-

тируюсь при этом на наполеоновские принципы сильной личности. Финальная встреча Рулета и Олега (по теории Раскольников «дрожащей твари» и «имеющего право»), где Олег спокойно убивает «зря копящего небо» наркомана, – демонстрация цинизма героя Ф. Достоевского, доведенного Б. Акуниным до логического конца.

К приемам переработки относится также отчуждение, подкрепленное детским дискурсом и мотивами игры. Детский дискурс актуализирует комплекс идей, органически входящих в авторскую концепцию человека. Это идеи синкретизма, целостности мировосприятия, диалога с миром, а также идеал дома, частной жизни и др. Роман Ф. Достоевского модифицирован следующим образом: акцентированно целостная личность трагически обречена на раздвоение (так, Саша Морозова, обладающая, на первый взгляд, всеми достоинствами Сонечки Мармеладовой, ведет двойную игру, шпиона за Фандориным). Чистая и возвышенная героиня Ф. Достоевского не может вписаться полностью в безыдейную постмодернистскую эпоху. Введение в текст нового образа – Николаса Фандорина, человека нового поколения, который старается разгадать загадку Ф. Достоевского, – служит целям отчуждения и самопародирования автора, предлагающего собственную интерпретацию классики в условиях кризиса идентичности. Б. Акунин очерчивает основные проблемы современного человека: неумение радоваться жизни, самостоятельно рассуждать о насущном и делать выводы, сохранение человеческого достоинства в любых обстоятельствах, неумение слушать другого – жить в социуме.

В «Девятом сне Веры Павловны» В. Пелевин предлагает такие векторы модификации классического текста, как модифицирование жанра (романное мышление облечено в малую форму), использование мотива превращения человека в виртуальный субъект, в «фигуру» или «форму». Дискуссия писателя с современными материалистическими, прагматическими картинами мира обнаруживается в переосмыслении мистического, чудесного в сторону усиления сверхчеловеческого аспекта бытия. Вектор модификации текста-источника – это усиление философской составляющей и обыгрывание целого ряда современных представлений о мире. Комический эффект моделируется включением аллюзий и реминисценций классической литературы и философских постулатов

в ненадлежащий контекст. Образность и сюжет классического романа используются для описания современного кризисного состояния сознания. Персонажи текста-образца трактуются в модернистском ключе: внутренний мир Веры Павловны – главной героини произведения – изображается с акцентом на фантастическое, inferнальное. Конфликт из сферы внешней переносится во внутреннюю, демонстрируется раздвоенность личности, столкновение ориентиров, с одной стороны, жизнеутверждающего и духовного начал, а с другой – темных сторон души, завлеченных красотой inferнального мира. Манифестируется поэтапное изменение мировоззрения и характера героини. Происходит изменение модуса фантастического на ужасный благодаря введению детского дискурса (незрелая душа Веры) и приемов игры.

Вектором изменений текста-образца являются повышенный психологизм, введение приемов самоанализа, исповеди, усиление философской составляющей.

Изучение процессов, происходящих в современной литературе, свидетельствует о том, что в кризисном контексте вторичные текстовые образования, переработки классики перемещаются из периферии литературного творчества в центр и начинают выполнять специфические функции.

Причинами расцвета перекодировок классики являются актуализация вопросов традиции и новизны, пересмотр классического художественного багажа, значительные сдвиги в художественной системе литературы переходного времени, формирование принципов постмодернизма, развивающиеся в стратегии интертекстуальности.

Литературные переработки предполагают медиацию между традиционными и новейшими художественными системами.

В переработках актуализируются характерные для сегодняшнего дня проблемы: целостность личности, экзистенциальный выбор, концепции человека в переходное время, мироощущение и психологическое состояние человека, который переживает кризис ценностей, определение круга вечных ценностей, не уничтоженных потрясениями, в частности, любви, искусства, отношения к вере и т. д.

При этом, несмотря на частотное использование постмодернистских деконструкций, переработки подчеркивают взаимосвязь с традицией и сохраняют корректное отно-

шение к образцу, исключаящее абсолютную иронию.

Поэтика ремейков базируется на ироническом диалоге с классикой. Для ремейка характерно расширение интертекстуального поля, предопределяющего авторскую сосредоточенность на диалоге с культурной памятью, литературной традицией, в условиях современного культурного кризиса.

Во всех произведениях с межтекстовым характером связей, независимо от преобладающего типа межтекстового диалога, усилен игровой модус, служащий для оправда-

ния переработки и установления нового уровня условности: автор и читатель, не дискредитируя классику, дают ей новое, современное прочтение.

Глубинной проблематикой, новаторским характером, полифункциональностью, живой взаимосвязью современности и классики, смелым художественным экспериментом, отображением особенностей переходного художественного мышления литературные произведения с межтекстовыми связями занимают особое место в современной русской литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Загидуллина, М. Ремейки, или Экспансия классики [Электронный ресурс] / М. Загидуллина // НЛО. – № 69. – 2004. – Режим доступа: <http://old.magazines.russ.ru/nlo/2004/69/za13-pr.html>
2. Черняк, М. А. Классика в кривом зеркале массовой литературы / М. А. Черняк // Studi Slavistici VI, 2009 [Электронный ресурс]. – С. 123–140. – Режим доступа: <http://www.fupress.net/index.php/ss/article/view/3377/2952>.
3. Тынянов, Ю. Н. О пародии / Ю. Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино [Электронный ресурс]. – М., 1977. – С. 284–309. – Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/tynyanov/pilk/poet7.htm>.

REFERENCES

1. Zagidullina, M. Remeiki, ili Ekspansiya klassiki [Elektronnyy resurs] / M. Zagidullina // NLO. – № 69. – 2004. – Rezhim dostupa: <http://old.magazines.russ.ru/nlo/2004/69/za13-pr.html>.
2. Chernyak, M. A. Klassika v krivom zerkale massovoy literatury / M. A. Chernyak // Studi Slavistici VI, 2009 [Elektronnyy resurs]. – S. 284-309. – Rezhim dostupa: <http://philologos.narod.ru/tynyanov/pilk/poet7.htm>.
3. Tyunyanov, Yu. N. O parodii / Yu. N. Tyunyanov // Poetika. Istoriya literatury. Kino [Elektronnyy resurs]. – M., 1977. – S. 284-309. – Rezhim dostupa: <http://philologos.narod.ru/tynyanov/pilk/poet7.htm>.